

ИЗЛЁТ

Ты посмотри, у города бронхит,
ушёл за тучи пожелтевший бивень,
листва опять на паперти стоит,
и ей, чем может, помогает ливень.
Ты знаешь, есть в увиденном излёт:
и в том, что жизнь похожа на пружину,
и что прохожий вымокший бредёт
в пальто до пят. Не от Готье. От сына.

А помнишь настоящий запах ржи?
Наш детский план уплыть к морям по речке?
Но жизнь не любит тех, кто любит жизнь,
и знаешь, в этом нет противоречий.
Да, всё не так и всё наоборот.
Да, минус год. И небо ближе... ближе.
Грядя берёз для поросли – штрих-код.
(Какой ещё к чертям Архип Куинджи).
Мы оказались в доме пев-людей.
Не будем с ними спорить. Некрасиво.
Два капитана – Джикия и Кейн.
(Какой Каверин? Боже упаси вас).

На картах «Сбер» и на часах – нули,
всё лучшее – в периметре экрана.
Отстали мы. А, может быть, пошли
чуть-чуть быстрее, чем шагает данность.
Но нет. Глядим прохожему вслед,
и здесь, где скоро будет злиться зать,
из всех пристрастий – свет, обычный свет,
из привилегий – мы и наша память.

Но мы, однажды сросшись с ковылём,
уйдём к мирам, где вроде всё неплохо.
И ничего с собою не возьмём.
Ну, разве что...
ну, разве что эпоху.

ПЕПЕЛ

Солнце собственным жаром выжато.
Пчёлы. Зной. Над рекой – река.
Я листаю с девчонкой рыжею
Синеснежные облака.

За взъерошенною гондолою –
Чудо-Юдо... лошадка... дед...
Жаль, мы с небом, как «не» – с глаголами:
Вроде, рядом. А вместе – нет.
Взмыть бы ввысь, и пускай подвинется
Пролетающий толстый кот.
Нам с девчонкою – по одиннадцать.
Август. Тысяча девятьсот...
Всё волшебю, и всё загадочно:
И девчонка, и этот луг,
И венок, что сплела...

Достаточно.
К ней приехал наш общий внук.

Бред. Наверное, от усталости.
Где четырнадцать тысяч дней?
Старость детства и детство старости.
Между – пепел календарей.
Между – планы и ожидания...
танцы... клёш, возведенный в культ...
служба... дембель... завод... свидания...
свадьба... дети... развод... инсульт.

Не пою, не дружу с гитарою.
Числа – дробью, и дробь – в виске:
«Сброшу плоть, как пальтишко старое,
Выйду к Господу налегке
И скажу, что хранил под теменем
Сотни „нет“ и десяток „да“,
Что коротким отрезком времени
Мерил „вечно“ и „навсегда“,
Что осмысленно, при свидетелях
Предпочёл (избегая плах)
Покаяние в добродетели
Покаянию „во грехах“.
Дорогое ценил недорого,
Убивал потихоньку прыть,
И не видел, что здесь, над городом,
Облака продолжают плыть».

Мне откроется преисподняя,
Где с лихвой проведу досуг.
Это в будущем. А сегодня я
Вновь ищущу васильковый луг.

Я брожу, а по нервам-ниточкам
Чуть заметно блуждает свет...
Это память встает на цыпочки
И глядит облакам вослед.

ПЕПЕЛ – 2

В антикварном – прошлое раздето,
всюду беспорядочный уют.
Продаются времени приметы.
Жаль, что время там не продают,

я купил бы, вычистив от пепла
в лавке затерявшиеся дни.
Пусть хранят они дожди и пекло,
пусть давно просрочены они.

Вот бы снова их прожить сегодня:
поискать бы ракушки в песке,
где июль, сбегав из преисподней,
каплей высыхает на виске.
А потом – в густое царство хвон,
громко крикнуть «па-па» по слогам
(ведь «эпоха жуткого застоя»
не давала застояться нам).
Оказаться б в доме, где икона
смотрит на мальчишку-крепыша,
а у грядки плющ бесперомонный
обнимает изгородь, шурша.
Где парфюм – хозяйственное мыло,
где на ключ не закрывают дверь.

Может, солнце там не жарче было,
но светило ярче, чем теперь.

В антикварном – статуи, суконце,
самовары, горн, Омар Хайям...
Только время там не продаётся –
ни на вес, ни оптом, ни по дням.

Что же делать? Кружатся картинки:
я большой, мне целых восемь лет,
в деревянном доме – керосинка,
у крылечка – дуб и бересклет.
Пью «Ситро», с виска стекает лето,
вновь сдаётся изгородь плющу.

Если есть у времени приметы,
по приметам время отыщу.

***

От остановки «Школа»,
не сев на «двадцать пятый»,
шагаю невесёлый
и «двойками» богатый.
Кусаю заусенцы
(не стали пальцы краше).
А, может, разреветься,
и мама не накажет?

Я – в прошлом-настоящем,
я – настоящий – позже.
А этот мир звенящий –
понятней,
чище,
проще.

И... в булочную:
– Здрасьти.
– За булочкой?
– За нею.
Я покупаю счастье
всего за семь копеек.

А корочка – услада,
вкуснее всех пирожных.
Я в мире, где «не надо»
сродни «немножко можно».
Здесь помыслы – не лживы,
здесь сильный пол – не слабый,
и живы... снова живы
и бабушка, и папа.

Домой!
Но что же это?!
Где липы и газоны?
Фасад другого цвета,
в руках людей – смартфоны.
Где только что «горели»
цветные краски детства,
сменили акварели
на моющие средства.

За новый мир краснея,
шепчу: «Где всё?..». И снова
я с памятью своею
вступаю в прежний сговор...

Несу портфель тяжёлый,
кусая заусенцы,
от остановки «Школа»...
до остановки сердца.

ЗВОНОК

опять в висках навязчивое «если б».
сплин... и, чужой оплачивая счёт,
надменное «уже» садится в кресло,
где только что куражилось «ещё».
всё дремлет от предзимнего наркоза.
сутулый город стал ничтожно мал.

а если бы тогда?.. а вдруг не поздно?
сейчас!.. куда же номер записал?

картечь из капель и седых горошин
пытается сказать, стуча в окно:
«У „если бы“ – десятки... сотни прошлых,
и только настоящее – одно».

асфальт затянут тонкой амальгамой,
и муть стекла – размытая тетрадь,
где медленно стекает криптограмма,
которую никак не прочитать.

ищу. опять не то. в помойку ворох:
счастливый, но не съеденный билет,
письмо, пустая пачка «Беломора»...
зачем хранил её десяток лет?

на откуп ноябрю столетний мусор,
всё некогда бесценное, всё то,
что не было ни грузом, ни обузой
и разделяло жизнь на «до» и... «до».
остывший город стал сегодня тиром,
езде палит безумная вода.

границы сослагательного мира
один звонок разрушит навсегда.

а рваный ветер, выводя рулады,
беснуется над скользкой мостовой
и смешивает нужное когда-то
с отпетою поэтами листвою.
бумажки, пластик и куски картона –
как всех эпох один апофеоз.

и мокнет в луже номер телефона,
записанный на пачке папирос.

***

придумать время... час, восход,
мгновенье, луч, секунду, блик,
ведь даже високосный год
скупой на високосный миг.
придумать «лишних» десять лет,
где нет шутов и королей,
а есть нестертый детский след
в саду, под кляксами теней.
придумать век, где не растут
домов бетонные грибы,
и где не сосчитать минут
от ожиданий до судьбы.
придумать время... чтоб оно
смотрело годы на просвет,
и, словно в старое кино,
войти в него и знать сюжет,
где нет январской седины,
где так банальна ночь без сна,
где замер слышат весны
в стоп-кадре твоего окна.

ВОСПОМИНАНИЯ О БУДУЩЕМ

...и, не видя подкрашенный снег,
ковыляла больная эпоха.
то ли вдох растянулся на век,
то ли век сократился до вдоха.

козлоногий и пьяный сатир
брёл поодаль без лишнего шума.
то ли глупых помиловал мир,
то ли мир оказался безумным.

где начало безумья и зла?
всех обжор закулисного пира
то ли песня сатира влекла,
то ли роли в театре сатира.

приношенья – этапы игры...
очень страшной игры, а в итоге –
то ли боги не брали дары,
то ли были бездарными боги.

шла эпоха: разрушенный мост,
город с чёрной холмистой коростой –
то ли там простирался погост,
то ли город был частью погоста.

уменьшалась эпохи шагрень.
таял снег, наполнялись колодцы –
то ли солнце изжарило тень,
то ли тень забежала за солнце.

и застыл, как сама пустота,
тёмной точкой ушедшего мира
то ли мёртвый сатир у креста,
то ли крест на эпохе сатира.